

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Всегда по одну сторону баррикад

Сергей Галицкий

**Из смерти в жизнь... Всегда
по одну сторону баррикад**

«Галицкий С.Г.»

2017

Галицкий С. Г.

Из смерти в жизнь... Всегда по одну сторону баррикад /
С. Г. Галицкий — «Галицкий С.Г.», 2017

ISBN 978-5-4380-0175-1

В 6-й книге «Из смерти в жизнь... Всегда по одну сторону баррикад» рассказывается о судьбе полковника МВД Леонида И., командира одного из отрядов СОБРа. За плечами него – обе чеченские военные кампании и участие в десятках спецоперациях по уничтожению боевиков в Дагестане уже в наши дни. Особую ценность имеют его свидетельства о тех боевых эпизодах, исход которых с рациональной точки зрения объяснить невозможно. Герой книги даёт им одно объяснение – Бог помогает тем, кто стоит за правду.

ISBN 978-5-4380-0175-1

© Галицкий С. Г., 2017

© Галицкий С.Г., 2017

Содержание

Предисловие	5
«В зоне особого внимания»	7
Армия	9
Группа задержания	12
Стрельба по окнам	16
Ожидание выстрела	18
Мой первый наставник	19
Страх – страшное дело	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галицкий Сергей Геннадьевич

Из смерти в жизнь. Всегда по одну сторону баррикад

Предисловие

Герой этой книги полковник Леонид И. не относит себя к числу героев и храбрецов. Иногда он даже шутливо называет сам себя «хорошо подготовленным трусом». Говорит, что боится высоты – но в армии, во время срочной службы в ВДВ, вместе со всеми прыгал с парашютом. Потом, уже в СОБРе, во время тренировок по фасадному альпинизму он регулярно, раз за разом преодолевая страх высоты, спускался со стен высотных зданий. Он говорит, что во время спецопераций всегда боится выстрела в себя. Но, преодолевая и этот совершенно естественный страх, он всегда поднимался с земли и вступал в бой с вооружёнными боевиками, которые часто находились в десятке метров. Как командир во время спецопераций он непреклонно требовал от своих подчинённых быть в бронежилете и шлеме. Однако сам практически никогда защиту не надевал. И это при том, что часто при необходимости ему приходилось без защиты вставать в боевой порядок закованной в броню штурмовой группы.

Откуда же берутся силы постоянно преодолевать себя? Сам Леонид считает, что так произошло потому, что с детства он читал правильные книги и смотрел правильные фильмы. Именно тогда ещё у пятиклассника Лёни и родилась мечта – стать десантником, а потом сотрудником правоохранительных органов. Кто из нас в детстве не мечтал кем-то стать! Однако у многих ли эти детские мечты сбылись? А вот у Леонида сбылись. Сбылись потому, что к своей мечте он стремился деятельно, изо всех сил. И ещё Леонид говорит, что ему очень повезло с людьми, которых он встретил в своей жизни. Это, прежде всего, старшие товарищи – офицеры в армии и командиры в спецназе, которые стали для него настоящим примером для подражания. И, конечно, боевые товарищи, с которыми ему все двадцать с лишним лет пришлось делить все тяготы службы.

На пути к своей мечте Леониду пришлось преодолеть невероятное количество препятствий. По призыву он чуть было не попал служить во Внутренние войска. Потом, уже в армии, чуть было не стал, (не по собственной воле, конечно), танкистом. Но, вопреки всем обстоятельствам, он всё-таки сумел пробиться служить туда, куда мечтал попасть со школы – в ВДВ. После срочной службы он так же упорно, как стремился в десант, пытался стать бойцом спецподразделения МВД, которые в 80-е годы прошлого века ещё только-только создавались. Сначала Леонид – сержант группы захвата вневедомственной охраны милиции, потом – лейтенант спецназа «Тайфун» службы исполнения наказаний, затем – старший лейтенантом городского СОБРа. И наконец – полковник, командир отряда регионального СОБРа.

Боевой судьбы Леонида с лихвой хватило бы на несколько человек. За плечами у него – сотни силовых задержаний преступников в страшные бандитские 90-е годы прошлого века, а также участие в десятках спецопераций во время Первой и Второй чеченских военных кампаний. А уже в наши дни – организация и личное участие в спецоперациях по уничтожению террористов в Дагестане.

Однако Леонид, пройдя через десятки рукопашных схваток с преступниками во время силовых задержаний и скоротечные ближние бои с вооружёнными боевиками, сумел сохранить свою душу. Конечно, душа получила глубокие раны. Но она всё равно осталась не сломленной войной... Наверное, так произошло потому, что он никогда не любил насилия и никогда не испытывал нездорового чувства удовольствия от тех страшных вещей, которые ему по необ-

ходимости приходится делать в боевых ситуациях. И, особенно, на войне... Просто вот такая тяжёлая работа. Но не более того.

Верность благородной мальчишеской мечте выросла в верность присяге и офицерскому долгу. А предложения за более чем двадцать лет службы поступали самые разные... Но всякий раз в неоднозначных ситуациях Леонид отвечал: «Нет. Мы не такие, и делать этого не будем». Поэтому сегодня, оглядываясь назад, он может с чистым сердцем сказать, что всю свою жизнь он был только по одну сторону баррикад.

Полковник Леонид И. сейчас в запасе. Но он твёрдо знает, что если Родина позовёт – он снова готов встать в строй.

Сергей Галицкий

«В зоне особого внимания»

В детстве мне очень нравились книги и фильмы про войну, про разведчиков, про армию, про милицию, где герои – решительные и отважные люди. Физически я был развит очень хорошо, с первого класса занимался гимнастикой и борьбой. Вначале ходил на секцию самбо, но позже оказался у тренера по дзюдо Бориса Романовича Ротенберга. Однако до пятого класса я всё-таки думал, что буду моряком торгового флота, как мой отец. Но всё изменил один фильм.

Как сейчас помню, именно в пятом классе я в первый раз увидел фильм «В зоне особого внимания». Потом смотрел его я много-много раз. И сейчас смотрю – несколько раз в год точно. На 2 августа уж обязательно! Когда что-то не ладится или же плохое настроение, включаю «В зоне особого внимания». Если даже только вчера смотрел, но фильм всё же идёт по телевизору, я снова его буду смотреть! Этот культовый фильм всех советских мальчишек, а для меня он стал лучшим фильмом на все времена.

Фильмов о войне очень много. Но этот фильм не о войне, а о военной службе. Это разные вещи. Фильм дал в 70-80-е годы прошлого века мощнейший импульс к тому, чтобы молодые люди захотели пойти на военную службу. После него произошёл резкий всплеск поступающих в Рязанское десантное училище. Конкурс и сейчас, кстати, там очень серьёзный.

После этого фильма все мои детские представления, кем я стану, когда вырасту, быстро трансформировались в сторону ВДВ. Хотя папа хотел, чтобы я стал гражданским моряком, и сам я тоже всегда думал, что хочу стать моряком. И как же это совместить – быть моряком и десантником? (Только потом я понял, что десантником можно просто отслужить срочную службу. Так, кстати, у меня и получилось.)

Таких – грезивших десантом – нас в классе было двое. Я и Сашка. Мы с ним сидели за одной партой. Саша тоже был спортивным парнем, ещё до армии он прыгал с парашютом.

Игрушки в нашем детстве уже не были совсем примитивными. У меня, например, был разборный пластмассовый автомат Калашникова. Особенно мне согревало сердце, что у него был съёмный приклад, поэтому его можно было превратить в десантный вариант. Вдобавок к автомату у меня было ещё пять или шесть пистолетов. На интересе к пистолетам мы с Сашкой тоже сходились.

В девятом классе (тогда у нас в школе были военные сборы) я свои джинсы покрасил в зелёный цвет. У Сашки был маскхалат, а у меня нет. И я тогда свои единственные джинсы не пожалел: сварил в красителе. Некоторые места завязал узлами. Тогда модные были так называемые варёные джинсы. Но мои джинсы, конечно, должны были быть зелёными, с пятнами разных оттенков, как камуфляж у десантников!

На этих сборах мы с Сашкой уже позиционировали себя как десантники. То, что на комиссии только нас двоих по состоянию здоровья приписали к ВДВ, было предметом нашей неимоверной гордости! Хотя все отслужившие армию нам говорили: «Парни, это всё туфта! Не имеет никакого значения. Придут покупатели, и куда заберут, туда и заберут». Но мы им не верили. Не может быть! Для чего тогда эта приписка к ВДВ?

Сашка рванулся было поступать в Рязанское десантное училище, но не поступил... Меня военрук всё время спрашивал: «Ну, а ты-то что?». Но к десятому классу я уже созрел до понимания, что я хочу быть не столько десантником, сколько сотрудником спецслужб. В голове был набор из капитана Тарасова из моего любимого фильма и оперативников, у которых в кобуре пистолет. Они почти всё время проводят в каких-то погонях, кого-то задерживают.

Я понимал, что если я поступлю в военное училище, то буду в армии служить всю жизнь, и тогда уже в уголовном розыске мне не бывать.

Мне подсказали, что и после гражданского вуза можно попасть в оперативники. Подойдут двое в штатском и скажут: а не хотите ли вы...

Когда пришло время, по настоянию отца (да и по внутреннему убеждению), я должен был поступить в Макаровку (Высшее инженерное морское училище имени адмирала Макарова). Сдал туда документы для поступления.

В школе я учился хорошо, поэтому неплохо сдал вступительные экзамены. Помню этот момент, когда я сидел после экзамена по математике, который сдал на четыре, и думал: «Это уже началась взрослая жизнь. Здесь и сейчас решается моя судьба. Я поступлю и шесть лет буду здесь учиться?!. Эти годы окажутся для меня вычеркнутыми из жизни, ведь в это время я не буду ни десантником, ни оперативником».

Я подбросил монету. Загадал: орёл – учусь, решка – забираю документы. Выпала решка. Дальше все события развивались быстро. Я пошёл и забрал документы. Отцу сказал, что на экзамене я получил двойку. (До сих пор об этом жалею, потому что он очень расстроился.) Отец сказал, что он поднимет все свои связи! Я: «Папа, не надо.

Я решил – пойду в армию». Он: «Ну решил, так решил. Ладно».

Расстроился он действительно очень сильно. Он так хотел, чтобы у меня карьера во флоте сложилась лучше, чем у него! Сам он был старшим механиком высших разрядов. Отдал гражданскому флоту всю жизнь. Но его не пускали в заграничку потому, что он не был членом партии. А когда он написал заявление, ему отказали, говоря, что он только по конъюнктурным соображениям хочет в партию вступить. Мол, мы таких не берём. Поэтому отец мне сказал: «Ладно, в армию – так в армию. Но там обязательно вступи в партию! В армии это легко. Я сам дурак. Мне в армии предлагали, но я отказался. Вступишь в партию, вернёшься из армии, отучишься и сразу пойдёшь в заграничку».

Армия

Прихожу в военкомат, пытаюсь узнать, как мне попасть в ВДВ. Меня спрашивают: «Специальность есть?». – «Нет». – «Давай-ка сначала получи права». Можно было это сделать, учась в ДОСААФе. Но я пошёл в профессиональную автошколу. Это обучение было немного длиннее по сроку, но там я получил права категорий В и С. Это мне отец подсказал. Из-за учёбы я один призыв пропустил.

Прихожу я в военкомат весной следующего года. Там сидит капитан по фамилии Тарасов! Только что с Афгана. Головой трясёт – видать, контуженый. Спрашивает: «Чего хочешь?». – «Хочу в ВДВ». – «Парень, ВДВ посылают за южные границы...». – «Так это же моя мечта!». – «Нет, не получится у тебя в ВДВ».

Я тогда не знал такой тонкости: как только ты говоришь, что хочешь в Афган, тебе на личном деле ставят крест.

Сашку забрали в армию осенью 1986 года. Я узнал, что Саша попал в Тульскую дивизию ВДВ, в разведроту 51-го полка. Думаю: человек хотел – человек попал. А вот я неудачник: в Макаровку не поступил, в ВДВ не попал. Жизнь закончена...

В военкомате мне говорят: «Ты же комсомолец, спортсмен! Поэтому тебе в самый раз подойдёт «Команда 210» – дивизия имени Дзержинского». К тому моменту я действительно уже стал кандидатом в мастера спорта по борьбе. Мне говорят: «Да там у них есть тоже что-то вроде десанта. Есть какие-то бойцы, которые бегают, прыгают, лазают. Почти такие же, как десантники, только беретов голубых не носят. Вроде береты у них красные».

В дивизии Дзержинского действительно была учебная рота УРСН (учебная рота специального назначения. – Ред.). Это предтеча будущего «Витязя». Сама рота существовала с 1977 года, а «Витязем» они стали называться с 1993-го.

Тогда я так расстроился! Но стал себя приучать к мысли: «Деваться некуда, надо идти в дивизию Дзержинского». У меня даже в паспорте очень долго карандашиком было помечено: «Команда 210». Но в последний момент (буквально за два дня до призыва) я узнаю, что номер команды поменяли на 306. Это уже Германия. Что мне понравилось, подумал:

«А вдруг там попаду в десант? Ещё и мир посмотрю».

Привезли нас под Выборг в учебку. Там я столкнулся с пареньком, который всё время сержантов спрашивал: «А как попасть в десант, а как в попасть десант?». Говорю ему: «А хочешь угадаю твой любимый фильм?»

«В зоне особого внимания». Ведь так?». – «Откуда ты знаешь?». – «Да это у тебя на лбу написано. Десантом начинают бредить те, кто этот фильм посмотрел». (Звали парня Литвинов Игорь. Потом я его встретил, и он сказал, что в десант так и не попал.)

Три недели мы кантовались под Выборгом. Это была простая пересылка. Нас побрили налысо и переодели – белые кальсоны, гимнастёрки времён Великой Отечественной, шинели длинные. Мама, когда увидела эту фотографию, изумилась: «Вы здесь прямо как ополченцы в 1941 году!».

Пришли борта, и на ИЛ-76 мы прилетели в Германию. Появилась военная полиция. Для меня это было удивительно. Но она была только за границей. Проверили наши вещи, изъяли советские деньги, потом перевезли на гигантскую пересылку во Франкфурт-на-Одере. Здесь началась история с покупателями. Представители частей забирают личные дела и выкрикивают фамилию. То есть для нас это абсолютная лотерея. Заранее угадать ничего нельзя...

Стали мы с Игорем Литвиновым по пересылке бродить – искать, где тут можно попасть в ВДВ. Я услышал, что приехали покупатели из танковой части. Стою, в окошечко заглядываю, где лежат наши личные дела. И вдруг вижу, как вытаскивают дело с моей фамилией! Спрашиваю: «Куда?». – «В танкисты». Но в танкисты-то мне точно было не надо! И в какой-то момент,

когда сержант сверхсрочник отвернулся, я свою папку через окошко вытащил. То есть похитил своё личное дело! Но в тот момент я был так потрясён, что думал только об одном – как бы не попасть в танкисты.

Сутки я на пересылке с папкой за пазухой продержался. А потом словно волна какая-то пошла: десантники, десантники! Видим двух офицеров – лейтенанта и капитана. Один пониже, другой повыше. Оба сухие, жилистые. И оба этих офицера так же трясли головами, как капитан Тарасов в военкомате. Только потом я понял, что это была такая мода – они этим потряхиванием как бы фуражки поправляли. Но видел я это только у десантников.

Эти офицеры не стали заходить в канцелярию и брать личные дела. Подали команду: «Становись!». Пересылка построилась. «Спортсмены есть?». Все – шаг вперёд. – «Прыжки есть? Права есть?». Все опять шаг вперёд. Говорят: «Ну ладно. На турник!». Я тогда спокойно мог (сейчас тоже могу, но уже не спокойно) двадцать пять подьёмов переворотом сделать. Мне офицеры говорят: «Так. Хорошо. Фамилия?» А у меня же личное дело с собой. Подаю им. Они: «А это откуда у тебя?». Говорю: «Да так получилось...».

Отوبرали нас человек тридцать, зачитали фамилии. Спрашиваю: «Куда?». Отвечает: «Узнаете». – «Ну скажите – десант?». – «Десант, десант...». И вот здесь меня наконец-то отпустило. Моя мечта с пятого класса сбылась!

До места мы почти сутки добирались своим ходом. Очень долго шли пешком, потом садились на какие-то электрички. Уже почти ночью долго-долго шли по лесу. Все были уже еле-еле живые. Наконец в лесу появляется какой-то огонёк. Видим: избушка, на ней написано: «Штаб». Капитан стал стучать в дверь: «Комиссаров! Комиссаров, открывай!». Дверь открылась – и на пороге появляется двухметровый детина! Заспанный весь, потягивается. Начал докладывать: «Товарищ капитан, бу-бу-бу, бу-бу-бу». Капитан его оборвал: «Вот пополнение. Размести».

Мы смотрим друг на друга – все такие худенькие. Неужели мы когда-нибудь будем такими, как Комиссаров?

А утром сержанты пришли нас разбирать по взводам. Они все как на подбор оказались настоящими мордоворотами. Мы вроде тоже были не самые последние хлюпики, но по сравнению с ними выглядели очень жалкими.

Началась служба. Постоянные марш-броски. И бег, бег, изнуряющий бег. И турники, турники, турники... С моей хорошей физической подготовкой я постепенно к этим нагрузкам привык, справился с ними. И то с трудом. Казалось бы, я был кандидатом в мастера спорта, но таких, как я, было немало. Когда бежала рота (это около ста человек), то я прибежал не в числе первых пятидесяти. И это при том, что всегда считал, что бегаю очень хорошо.

Как-то мы бежали «десятку» на приз газеты «Красная Звезда». Офицеры роты бежали вместе с нами. Ротный у нас вообще был просто помешан на марафонах. Постоянно ездил в Москву на соревнования. Мы тогда взяли третье место по Вооружённым силам. Надо было бежать в полной выкладке десять километров по пересечённой местности. Зачёт времени – по последнему. А в конце марш-броска тремя патронами надо было поразить цель. Каждый промах добавлял секунды ко времени. Первое место тогда заняло Минское высшее политическое училище. Они показали тридцать восемь минут. Это немыслимое время!

В армии я окончательно понял, что армейская служба – это один из этапов моего пути, а не путь на всю жизнь. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что без срочной службы в ВДВ ничего у меня в спецназе бы не получилось. У всех ребят, которые служили со мной в спецназе, жизненный путь – прямо как по шаблону. В детстве спорт, потом срочная служба в ВДВ, в морской пехоте или в разведке. И дальше – СОБР.

(Это говорит о том, что в СОБРе существовала правильная система отбора и подготовки кадров. Здесь собирались не просто хорошо подготовленные люди, а именно те, которые способны к коллективной работе. Если появляется единоличник, который считает себя Сильве-

стром Сталлоне или Жан-Клодом Ван Даммом, то результат обязательно будет плачевным – будут люди погублены, задача не будет выполнена. Наша система таких людей постепенно отторгает. Ещё она отторгает жуликов, например, торгашей, трусов. Дело в том, что надо постоянно ездить в командировки на Кавказ, а там невозможно всё время где-то в углу просидеть. Нужно ездить на боевые. Если ты к этому не готов, то рано или поздно тебе скажут: «Дружище, ты хороший парень! У тебя классный мерседес, у тебя замечательная халтура. Ты и другим помогал с халтурами. И форму красивую всем купил. Но сколько мы за тебя ездить-то будем?».

В командировках вообще всё обостряется. Разные люди, разные взгляды на жизнь, разные чёрточки характера, которые начинают раздражать невероятно. Правильный коллектив всё это притирает и сглаживает. Много, конечно, здесь зависит от командира.)

От срочной службы у меня почему-то очень яркое впечатление осталось именно от офицеров. Все они были приличные люди, хорошие дядьки, которые очень по-человечески относились к солдатам. Может, в других частях и было иначе, но у нас в бригаде было именно так. Причём чем выше было звание у офицера, тем отношение к солдатам было теплее.

Молодые лейтенанты, конечно, старались поставить себя перед солдатами. Помню, как за одно моё не очень корректное высказывание лейтенант, который только что пришёл из училища и был всего-то на два года старше меня, заставил меня после отбоя заниматься строевой. Вот я и ходил по плацу, печатал шаг. В это время мимо проходил замполит батальона. Он, естественно, услышал печатание шага и увидел мою одинокую фигуру. Подошёл: «Боец, доложите, почему не в кровати?».

Я докладываю: «Выполняю приказ лейтенанта такого-то». – «Сынок, быстро в кровать! Лейтенанта ко мне!». Солдат – он в принципе не может быть неправ. Это значит, что лейтенант его чему-то не научил.

Самое частое обращение от старших офицеров к солдатам, которое я лично слышал, было «сынок», «солдатик». Никакого унижения. Гоняли нас – это да, но те же самые лейтенанты вместе с нами и умирали на марш-бросках.

Часто вспоминаю моего взводного, Валеру Захарова. Он трагически погиб. Когда бригаду из Германии вывели в Казахстан, было голодно. Он взялся подрабатывать шофёром такси. Один раз он уехал вечером и не вернулся. А через полгода, когда стаял снег, обнаружили его тело. Рассказал мне об этом его товарищ, Андрей Сироткин. (Сироткин был у нас в бригаде командиром взвода 11-й роты.) А с Сироткиным мы встретились в Дагестане! Он к тому времени стал командиром владимирского СОБРа. Артём Гатаев был командиром тверского СОБРа. Они оба были постарше меня. Кадровые военные, полковники. Оба десантники. Как командиры отрядов они приехали в Дагестан на месте проверить своих.

Я был командиром сводного отряда, зашёл познакомиться. – «Давай, давай, заходи, дружище. Рады познакомиться. Как там у тебя? Чего у тебя? Выпьешь с нами?». – «Да нет, спасибо». – «А чего так, не по-десантному?». – «Да я, в общем-то, тоже десантник». – «Где служил?». – «В 35-й ДШБ».

И вдруг Сироткин спрашивает: «В каком году?». – «87-89». – «Ты меня не помнишь? Лейтенант Сироткин. Только я тогда был худым». Голос у него дрогнул, он будто вернулся в свою лейтенантскую молодость. Я мысленно убираю щеки, морщинки и вижу того самого лейтенанта! (Картина прямо в голове стоит: одновременно пришло человек восемь молодых офицеров с Рязани. Их начали по взводам распределять. Они стоят в новенькой синей форме с чемоданчиками.) Тут, конечно, буря эмоций! Он мне стал рассказывать про тех, кого знал. Этот там, этот там... Я многих офицеров достаточно хорошо знал. Сироткин и рассказал про Валеру Захарова.

Вот так люди, прошедшие одними и теми же дорогами, оказываются в одних и тех же местах и в одних и тех же командировках. Кстати, в 1995-м в Чечне я встретил бывшего лейтенанта разведроты нашей бригады Юру Марчука. Он служил в СОБРе ГУБОП в звании майора.

Группа задержания

Я начал служить в милиции в 1989 году, ещё в советское время. После армии я точно знал, что хочу работать именно в милиции. Только не знал, куда лучше идти. В уголовный розыск сразу с улицы не брали. Помог мой друг Саша. Он демобилизовался на полгода раньше меня и уже работал во вневедомственной охране в ГЗ (группа задержания. – Ред.). Я пошёл работать к нему.

В 1990-м году я был простым милиционером, сотрудником отдела вневедомственной охраны Приморского района Ленинграда. Именно тогда первый раз в жизни я оказался лицом к лицу с вооружённым преступником. Случай это был довольно известный, газета «Ленинградская милиция» о нём писала.

Служба во вневедомственной охране была достаточно беспокойная. Чем отличается эта служба от любой другой? Здесь за день может поступить до сорока вызовов после срабатывания сигнализации. Особенно часто это происходило после сбоев электричества. Были и так называемые и квартиры-хроники, и объекты-хроники. Сигнализация на них срабатывала постоянно, хотя там на самом деле ничего криминального не происходило. Срабатывание сигнализации на таких объектах происходит каждый день, каждый месяц, каждый год. Поднимаешься в такую хроническую квартиру, зная, что или в квартире никого нет – сбой электричества, или в десятый раз тебя встретит хозяин, который в очередной раз забыл снять сигнализацию...

Это очень расслабляет. Ведь когда на одни и те же объекты ты приезжаешь по много раз, то в очередной раз едешь уже руки в брюки. Однако существует определённая процедура, которую ты всё равно должен выполнить. Приехал, позвонил в дверь, убедился, что в квартире никого нет. Доложил, что всё в порядке. После этого воткнул в дверь спичку. Спичка – это так называемый «сторож». Когда идут вызовы за вызовами, ты не можешь у каждой квартиры оставить постового. Поэтому дежурный на пульте говорит: «Поставь «сторожа». Тут же начинаются шутки: потолще, потоньше... Дежурный говорит: «Потолще!». Обламываешь спичку и вставляешь её в щель двери. Приезжаешь через час. Если спичка на месте, то двери не открывали.

И так бывало в девяносто девяти случаях из ста. Но потом происходит тот самый сотый случай, после которого ты на каждый выезд на квартиру едешь, как на боевую операцию. Это происходит тогда, когда ты в квартире внезапно сталкиваешься с вооружённым преступником.

Прямые столкновения с преступниками происходили в то время очень редко. Но у меня это всё-таки случилось. Я в охране отработал уже год. У меня была хорошая репутация: десантник, крепкий парень, спортсмен, рвётся в бой. Я к тому времени ещё и в университет на юрфак поступил.

В тот памятный день я был старшим экипажа. Кроме меня в машине был водитель и ещё один член экипажа, Миша. Он только что из Вооружённых сил демобилизовался. У нас он был ещё только стажёром, у него даже оружия не было. У меня с собой был ПМ (пистолет Макарова. – Ред.), у водителя тоже ПМ. Это сейчас вневедомственная охрана едет с автоматами и в бронежилетах, а тогда у нас ничего этого не было.

На пульт дежурному поступает обычный вызов: в квартире сработала сигнализация. Время прибытия у нас – не более трёх минут. Буквально через полторы минуты мы уже были в адресе. Это большой жилой дом. Нужная нам квартира – на седьмом этаже. По инструкции, один обязательно поднимается по лестнице, другой – едет на лифте.

Шли мы на этот вызов с совершенно притупленной бдительностью. Идём, болтаем друг с другом. Подошли к двери квартиры, осмотрели: дверь без нарушений. Позвонили в звонок, подёрнули ручку. И уже собрались развернуться и уйти, как за дверью что-то зашебуршало. Собака не собака, кошка не кошка... Непонятно.

Доложил на пульт: дверь без нарушений. Там, как всегда, говорят: «Оставь «сторожа». Подумал я, подумал и почему-то решил: не буду я спичку вставлять, а оставлю стажёра. Говорю Мише: «Стой у двери, через часик я подъеду. Если ничего не произойдёт, я тебя заберу». Поворачиваюсь, делаю два шага к лифту... Тут меня словно что-то толкнуло обернуться: стоит Миша один у двери, без оружия... Действовал я строго по инструкции, я должен был его оставить. Вот если бы я спичку воткнул, то этим бы как раз инструкцию и нарушил. Про себя думаю: постою-ка я вместе с ним, пока других вызовов нет. Получилась какая-то цепь, казалось бы, случайных событий.

Стоим, болтаем с Мишей дальше. Вдруг за дверью опять – шур-шур-шур. А нас ведь в квартирах хорошо слышно – два человека громко разговаривают на пустой лестничной площадке. Я начинаю звонить в соседние двери. В одной квартире не открыли, а вот в другой дверь открывает молодая девчонка лет двадцати. Одета она была очень легко, в каком-то топики полуоткрытом. Нам тогда самим было по двадцать лет с копейками. Челюсти у нас отвисли. Нам дверь, которую мы должны были сторожить, в этот момент стала совсем неинтересна.

Начинаю девушку расспрашивать: а кто у вас соседи, кто в этой квартире живёт? Отвечает: «Мы с мужем только месяц как переехали, никого не знаем». Мы: «Так у вас ещё и муж есть! Ну как же так, такая девушка! Ля-ля-ля, ла-ла-ла...». Ей наш трёп в конце концов надоел, и она говорит: «Вы извините, но если надо что-то конкретное от меня, то я готова помочь. А если нет, то...». Я спрашиваю её уже серьёзно: «Кошку или собаку у соседей видели? Или, может, бабушка какая-нибудь там живёт пожилая? Старики ведь вообще боятся двери открывать незнакомым людям». Девушка говорит: «Нет, ничего не знаю ни про собаку, ни про кошку». И закрывает свою дверь.

Мы с товарищем начинаем обсуждать девчонку, какая она симпатичная! Жаль, что уже замужем... И в этот момент дверь нашей квартиры открывается и оттуда выскакивают двое... Один начинает поливать нас с Мишей каким-то газом из баллончика, а второй тыкает впереди себя ножом.

Когда вор начал выскакивать, я стоял к нему боком, на девушку смотрел. Но когда дверь уже открылась, я сразу развернулся и ударил его ногой. Бить в такой ситуации ногой – это уже рефлекс. Нога ведь длиннее руки. Сейчас я уже понимаю, что так быстро и правильно среагировать на внезапную попытку прорыва мне помогли упорные тренировки.

Последнее, что я увидел перед тем, как мне на глаза упала абсолютная пелена, – это лезвие ножа, которое летит в мою сторону.

Я, уже ничего не видя, ударил в ту сторону ногой. Чувствую: ногой в человека с ножом я попал... Отскочил назад, выхватил пистолет, дослал патрон в патронник. И тут меня осенило: стрелять-то мне некуда... Я же вообще ничего не вижу! Не знаю, что именно это был за газ, но горло, глаза и нос у меня перехватило капитально. Паралича рук-ног нет, но ничего не видишь и дышать не можешь.

Левой рукой я махнул перед собой и на что-то наткнулся. Тут же пистолетом сверху в это что-то ударил. Патрон был в патроннике, пистолет снят с предохранителя. Палец инстинктивно нажал на крючок – выстрел!.. Повезло, конечно, что пуля вверх ушла. Но пуля тут же стала со страшным визгом, рикошета, летать по подъезду!

Наощупь чувствую, передо мной кто-то распластался. Видно, ногой я вору попал хорошо. Он, похоже, от первого моего удара согнулся, а я ещё вдогонку ему сверху по голове вслепую пистолетом добавил. Да ещё и по лежащему ногами потоптался. В общем, лежит он, встать даже не пытается.

Сквозь слёзы и сопли всё-таки вижу, как на лестничной площадке два тела барахтаются. Кое-как разобрал, на котором из этих двоих милицейская рубашка, погоны. Другого отрываю, бью! Вор падает назад в квартиру. Я бросаюсь за ним в дверь, но спотыкаюсь о Мишу, который

под ногами оказался. И тут я потерял именно ту секунду, которой вору хватило, чтобы изнутри закрыть дверь в квартиру. Он, получается, от нас там надёжно спрятался.

Вор сам себя в квартире забаррикадировал, его мы достать не можем. Начали заниматься вторым. Быстро скрутили. Он, как стало件нятно, получил два серьёзных повреждения – от ударов ногой и пистолетом по голове.

Пытаюсь говорить в рацию, доложить, что произошло – но не могу! У меня шок... Начинаю звонить по квартирам. Но все слышали за дверями шум драки и стрельбу. Никто, конечно, двери не открывает! Наконец дверь открыла та девушка, с которой мы разговаривали. Стоит на пороге с молотком в руке, плачет.

Я ей прохрипел: «Те-ле-фон...». Она рукой мне показала, как к телефону пройти.

Пистолет-то у нас с Мишей один на двоих. Я от лежащего вора уйти боюсь – вижу, как Мише плохо. Он даже в уголке присел. Он и газа наглотался, и попал вор ему куда-то. Хочу Мише сказать, чтобы он пошёл и позвонил, но номер телефона не могу назвать, забыл номер! Сунул Мише в руки пистолет и показываю: если этот шевельнётся – стреляй! Пошёл звонить сам, кое-как набрал номер дежурного. А по «ноль два» уже прошёл сигнал, что где-то в подъезде стрельба слышна. Дежурный мне говорит: «Подожди, подожди!.. Сейчас не до тебя. На наряд где-то напали».

Я ему хриплю: «Да это на нас напали...». А он в этот момент с людьми параллельно разговаривал. Бросает сразу другую трубку и начинает уже мне кричать: «Что? Где?..». Я называю ему номер нашего экипажа и адрес на Богатырском проспекте, где всё произошло.

Через две-три минуты слышу топот ног. Это наши бегут снизу по лестнице. А у нашей лестничной площадки на лестнице вообще невозможно находиться из-за газа! Наши на площадку забежали, развернулись и убежали – дышать вообще нечем.

Кое-как проветрили лестницу и площадку. Потом все дружно принялись ломать двери в квартиру, где вор забаррикадировался. Тот уже открыл окно – собрался прыгать.

А этаж-то седьмой... Куда тут прыгать... В итоге вор понял, что деваться некуда, сам открыл дверь и сдался. Ему досталось несильно.

А вот тот, который на меня с ножом шёл и на площадке валялся, получил по полной. Ему ребята капитально добавили, ребра сломали. Он даже потом на суде пытался жаловаться. Но бесполезно.

Нас с Мишей потащили в травму глаза промывать. Воров доставили в отдел, там оперативники быстро определили, кто они и откуда. И практически сразу раскрутили их на восемь краж. В суде были уже все потерпевшие. Это двое оказались профессиональными квартирными ворами, один – грузин, другой – армянин.

Этим ворам предъявили полный набор: кражи, хранение боеприпасов (у них патроны нашли), сопротивление сотрудникам милиции. Им предъявили только сопротивление, а не нападение на сотрудника милиции. Но всё равно дали хорошо, лет по десять каждому.

Сыграло свою роль то, что они использовали не профессиональный нож, а кухонный из квартиры. Это с юридической точки зрения важно. Вроде бы человек не шёл умышленно со своим оружием, а схватил то, что под руку попало. С собой у них был только баллончик. Но мне бы вполне хватило, если бы первый даже кухонным ножом в меня попал.

Обычно квартирные вору на убийство не идут. А тут они подумали, что смогут справиться – стоят два парня, ля-ля-ля-ля. Вот и решились. По характеру движения руки с ножом я видел, что вор бьёт меня на поражение, в корпус на уровне пояса. Тактика в принципе правильная: брызнул из баллончика, и сразу – тычок ножом. Не думаю, что вор хотел меня убить. Им важно было выскочить.

А если бы они выскочили, то раненый милиционер – это минус один боец, легче уже уйти от погони. Воры ведь понимали, что если два милиционера стоят на площадке, то внизу

ждёт ещё один, водитель. Тактику нашу квартирные воры изучали, поэтому хорошо знали, как мы работаем.

Нас с Мишей долго возили по травмопунктам. Только вечером, без пятнадцати восемь, мы добрались до своей базы. Оказалось, что туда уже приехало всё руководство главка. В этот день произошли сразу два эпизода с вооружёнными преступниками. Утром задержали двоих на территории 34-го отдела милиции. Один оказал сопротивление сотруднику, ударил его и бросился бежать. Догоняли его со стрельбой в воздух. А когда догнали, выяснилось, что в сумке у него был обрез!

Когда вор увидел, что к дому подъезжает милицейская машина, он вещи бросил. (Их потом нашли с собакой.) Поэтому задержали вора у квартиры без вещей. Один милиционер остался у квартиры, а другой повёл его к машине. По дороге вор и ударил сотрудника. Тот упал, но успел закричать второму: «Держи его!». Потом была погоня со стрельбой, задержание, поиск краденого. Произошло это часов в одиннадцать утра. А в три часа дня – уже произошла наша история. Опять стрельба. (Это был 1990-й год. Такое тогда происходило далеко не каждый день.)

В один день получилось два раскрытия сразу. Поэтому руководство всё и приехало. Подъезжаем к базе. Буквально перед самыми воротами у нас закончился бензин! Мы выходим и начинаем машину заталкивать на территорию. Я толкаю машину. Толкаю и вдруг вижу: на плацу стоит весь взвод.

А от звёзд на погонах вокруг просто глаза слепит! Думаю: «Ну вот, сейчас нас будут ругать». Мы заходим, а все улыбаются, по плечу хлопают: «Вот они, наши герои!». Тут же зачитали приказ и сразу вручили конверты с деньгами – премия! (В то время зарплата рядового советского милиционера было сто шестьдесят пять рублей в месяц. Десять рублей высчитывали за бездетность. На руки я получал сто пятьдесят пять рублей.) Система премий была такая: пятьдесят рублей за раскрытие кражи, сто рублей за задержание преступника, сто пятьдесят – за задержание вооружённого преступника. Нам с Мишей прямо на месте вручили по сто пятьдесят рублей. Из них сто сорок пять бумажками, а пять рублей – юбилейной монетой. Монета очень красивая. Я её на память сохранил. Начальники говорят: «Молодцы, парни! Колите дырочки под награды». Но ничем нас не наградили...

Тут обращается ко мне какой-то начальник, не помню сейчас уже, кто именно.

Я даже немного подрастерялся. Начальник говорит: «Иди сюда, сержант. Не богатырь ты вроде. Расскажи перед строем, как ты с вором справился». При росте метр семьдесят пять я весил в то время семьдесят пять килограммов. Говорю: «Спортом надо заниматься, рукопашным боем». Начальник говорит: «Точно! А то недавно в другом районе сотрудник милиции развернулся и побежал от преступника!». Тут меня и прорвало: «Вот-вот! Сколько раз я говорил комбату! Почему у нас нет своего спортзала? Почему я должен по подвалам сам заниматься?». Мне говорят: «Так, так, так, всё. Достаточно. Высказался. Встань в строй».

Своего спортзала у нас действительно не было. Был только небольшой подвальчик, который почти не проветривался. Час там позанимаешься – и всё, дышать вообще нечем. И мыться там было негде. Но мы всё равно ходили заниматься в этот душный подвал с удовольствием.

Это была первая ситуация в моей жизни, когда я оказался лицом к лицу с вооружённым преступником. Но далеко не последняя...

Стрельба по окнам

Однажды поступил сигнал: вооружённые преступники проникли в квартиру и зачем-то стреляют по окнам соседних домов. Информация шла от дежурного, подвергнуть её сомнению возможности не было. Не было возможности и предположить, что позвонила какая-то бабушка, которая что-то перепутала.

Когда мы подъехали к дому, туда уже подошли ребята из местного отдела милиции. Информация прошла не по каналам вневедомственной охраны, а по районному отделу. Но своих людей у них было мало, поэтому они обратились к нам. Они нас, кстати, частенько просили их подстраховать.

Местные милиционеры знали, что в этот день в одном из экипажей работает парень, который любит приключения. То есть я. Поэтому они были уверены, что им не откажут.

Кроме нашего экипажа к дому подъехал ещё один. Нам показали окна, на которых действительно были какие-то пробоины. Мы расставились под окнами и у дверей квартиры, сообщили дежурному по району: «Мы заблокировали преступников в квартире. Высылайте группу захвата». А дежурный смеётся и говорит: «Так вы и есть та самая группа захвата!». Я ему: «Нет, вызывайте настоящую группу захвата!». Я считал, что должны где-то сидеть специальные люди, настоящие профессионалы, и ждать именно такого момента.

А дежурный мне говорит: «Вы и есть настоящий профессионал. Действуйте!». Спрашиваю: «А как действовать? Это же третий этаж». Дежурный говорит: «Всё, что могу сделать, – это прислать пожарную машину».

Через час действительно приезжает пожарная машина. Выходит из неё человек и спрашивает: «Куда поднимать?». Я показываю ему: «Вон те окна!». Он: «А что там такое?». Говорю: «Там вооружённые люди засели. Ты бы отошёл...». Он лестницу к третьему этажу выдвинул и спрятался.

Смотрю я с тоской на эту лестницу и думаю про себя: надо лезть... Посмотрел на старших коллег – может, кто чего подскажет?

А они: «Ты же десантник! Давай, вперёд!». Как тут откажешься? Дело было хотя и поздно по времени, но это же лето. Белые ночи, светло. Я фуражку снял, китель снял, чтобы сподручней было. И полез по лестнице на третий этаж... Окна на третьем этаже тёмные. Полное ощущение: меня видят, из этих окон смотрят, а я ничего через окно не вижу. И ещё кажется, что сквозь окно изнутри в меня целятся! Вот сейчас будет выстрел, вот сейчас будет выстрел, вот сейчас будет выстрел!.. Ну раз ждёшь этого выстрела, а его всё нет, то уже не так и страшно. В итоге я по лестнице с этими мыслями до третьего этажа добрался. Думаю: а может быть, из окна никто на меня изнутри и не смотрит?.. Выбил стекло, залез в квартиру. Оказалось, что наши ошиблись и показали не те окна! Я всю квартиру насквозь пробежал, внутри двое – муж и жена. У них истерика – на глазах у них я влез в окно и бегаю по комнатам с пистолетом без кителя, в одной рубашке без погон. Картина маслом...

Выскочил на лестничную клетку. Вижу, как другой наш экипаж прислушивается к соседней двери, переговаривается: «Ну что? Он вошёл или ещё не вошёл?» И вдруг они видят, как я выхожу из соседней двери! Показывают мне руками: так вот же она дверь, тебе туда надо! А я уже весь на адреналине. Перепрыгиваю по балкону в соседнюю квартиру, выбиваю дверь. А там сидят четверо подростков... Дело было так: один из них жил в этой квартире. Они где-то погуляли, пришли к нему, а у него ключей почему-то не оказалось. Так они по водосточной трубе залезли на балкон, а затем – в квартиру. А потом зачем-то стали стрелять по соседним окнам из пневматического пистолета металлическими шариками. Тогда, кстати, такой пистолет был большой редкостью.

Люди, которые звонили в милицию, в принципе рассказали всё правильно. Они видели, как в квартиру на третьем этаже проникают какие-то люди, которые потом стреляют по окнам. Только они не сказали, что это всего лишь подростки! И что один из них вообще живёт в этой квартире. И что пистолет у них ненастоящий... Парням этим, кстати, ничего не было – дело квалифицировали как мелкое хулиганство.

Задним числом я сейчас понимаю, что одному лезть на третий этаж по пожарной лестнице к окну квартиры, откуда только что стреляли, можно только в бесшабашной молодости и только с репутацией десантника. Ведь тебе говорят: «Ты же десантник!». После этого ты уже точно не можешь сказать, что ты не можешь, что ты боишься и на это не пойдёшь...

Кстати, после этого случая были ещё разборки, кто будет разбитое стекло вставлять...

Ожидание выстрела

Когда ты идёшь на вооружённого преступника, и, особенно, если он с огнестрельным оружием, то при выстреле естественная реакция любого человека (от этого никуда не деться) – это укрыться или увернуться. Хотя ты сам весь вроде закован в броню. Сейчас вообще при задержании все работают с бронещитами, чтобы закрыть максимальную площадь.

Когда ты в своих мыслях представляешь предстоящее задержание, ты прокручиваешь его в голове, как киноплёнку. Но когда ты оказываешься уже на месте и вдруг раздаётся выстрел, то возникает очень сильное желание развернуться и побежать куда-то. Такие желания усилием воли подавляются. Выстрел в твоём направлении всегда происходит неожиданно. Страшно бывает, даже если ты выстрела ждёшь. Но ожидаемый страх легче подавить, справиться с ним. Вообще ожидать выстрела в себя психологически очень тяжело. Потому всегда хочется надеяться, что в этот раз выстрела не будет.

(Есть научное определение, что такое смелость, что такое храбрость. Это морально-волевое качество, позволяющее действовать должным образом вопреки страху за собственную жизнь, несмотря на риск и опасность. Именно это волевое усилие и преодолевает естественное желание спрятаться, укрыться. Именно оно заставляет тебя сделать то, что необходимо сделать: высунуться, посмотреть или хотя бы вслепую произвести несколько выстрелов в направлении преступника, чтобы он испугался, чтобы теперь уже ему захотелось спрятаться.)

Чем больше ты об этом знаешь, осознаешь и понимаешь, тем легче тебе в таких условиях самому себя заставлять действовать правильно. Надо это обязательно изучать, надо об этом читать, а потом ещё и отрабатывать на практике, чтобы психологически приучать себя к этим вещам.

Но всё это пришло ко мне позже. Конечно, в начале своей милицейской службы я многого не знал, да и о многом просто не задумывался.

Мой первый наставник

Через какое-то время после истории со стрельбой по окнам я наведался в гости к Сашке. К нам на чашечку кофе подсел Сашкин отчим (и по совместительству начальник нашей вневедомственной охраны) Борис Яковлевич. Поинтересовался, как жизнь молодая, как служба. Тут я вспомнил историю с окнами и выдал все свои претензии по поводу организации службы и задержания преступников, в частности. Почему нас кинули под танки? Почему дежурный РУВД не вызвал настоящую группу захвата из главка? Как вообще должны проводиться такие операции?

Борис Яковлевич мне спокойно ответил: «Почему ты решил, что тебя бросили? Машину ведь тебе пожарную прислали? Прислали. Зачем тебе группа захвата? Ты сам что, не милиционер, что ли? У тебя что, пистолет не настоящий? Дежурный всё правильно сделал. Рассчитал силы и средства, исходя из имеющихся ресурсов. Значит, он был в тебе уверен».

Борис Яковлевич ещё многим умным вещам меня научил. Это был мой первый милицкий начальник. Всю свою последующую службу я вспоминал его с большой теплотой. Именно благодаря ему моя только-только начавшаяся служба не прервалась из-за одной неприятной истории. А было так. В составе группы захвата я приехал на тревогу в одну из квартир. Внутри неё оказался хозяин, который забыл отключить сигнализацию. Он был сильно пьян и всё время пытался нам что-то сказать. Я, понимая, что объяснять ему что-то бесполезно, проверил прописку в паспорте и, уходя, сказал, что в следующий раз выпишу ему штраф.

На мою беду это оказался один из руководителей главка! Протрезвев, он стал искать мерзавца, посмеявшегося так дерзко с ним разговаривать. Меня очень быстро нашли и стали снимать с меня объяснения, как я пытался вымогать у него деньги. Меня уже собирались увольнять. Борис Яковлевич, разобравшись, в чём дело, набрал телефон одного из начальников, кому было поручено организовать мой розыск и увольнение и, не называя мою фамилию, доложил: «Товарищ полковник, негодяй изобличён и уволен». Потом повесил трубку и сказал: «Иди, работай».

Страх – страшное дело

Вся служба в подразделениях, где приходится сталкиваться с вооружёнными преступниками, связана с преодолением страха. Даже когда человек хорошо подготовлен и осознает, куда он идёт, всё равно у него в первую момент после выстрела срабатывают безусловные рефлексy. Ты всегда боишься... Поэтому в первую секунду уворачиваешься, падаешь, залегаешь. А вот затем есть два варианта. Первый: ты остаёшься лежать, прячешься или даже убегаешь, как будто тебя там и не было. Второй вариант: ты заставишь себя подняться и действовать.

У десантников, совсем молодых ещё ребят, во время первого прыжка с парашютом один из стимулов такой: вдруг все прыгнут, а я один не прыгну! Как же мне будет стыдно перед товарищами!

В спецназе со стимулами проще. Тебя же никто в эту профессию не загонял. Поэтому, если ты покажешь себя трусом, как ты потом будешь смотреть товарищам в глаза? Вообще-то бояться не стыдно, все ведь боятся. Стыдно страху поддаться. Сам себя я особым смельчаком никогда не считал. Доказывать свою храбрость никогда специально не стремился, если только в самом начале, в молодости. И я всегда с осторожностью относился к людям, бравирующим храбростью. Если человек совершает смелый мужественный поступок ради важного дела – это одно. Почёт ему и уважение. А если без особой необходимости, но напоказ, демонстративно, то это чаще всего идёт от внутренней неуверенности в себе, от закомплексованности, от понтов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.